

Посвящение: всем, кто когда-либо был сломан

Глава 1

АНГЕЛЫ ДЕРЖАТ НЕБО, МАФИЯ — ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Татум

Паника заставила захлебнуться собственными соплями. Пальцы врезались в сидушку стула, ноготь на безымянном сломался. Перед глазами поплыло, будто стекла очков запотели при входе в душное помещение. Солнечное сплетение сдавило тисками — трахея раскрошилась, осыпалась пеплом в желудок, к набодяженному кофе из автомата.

Баржа кренилась влево.

Ком тошноты застрял в горле, в груди защемило нерв — каждый вдох отдавался электрическим разрядом в легкие. Облегчение слезами не грозило: паническая атака работает не так. Возникает не из-за недостачи обнимашек в день. К сожалению.

Тупая, ноющая боль разлилась по телу. Хотелось плакать. Кровь закипала в венах, пульс рвал барабанные перепонки. Дрейк балансировала на тонкой грани отчаяния и страха, не в силах упасть через край.

Соленые волны омывали борта, уголь скреб днище.

Атака продолжилась галлюцинациями. Кожа на кончиках пальцев горела, плавилась. Оставалось, как и со всем в этой жизни, — смириться.

Конец августа застрял у нее в глотке приступом паники в затхлом актовом зале.

Закончилось все внезапно. Страх ушел, оставляя после себя металлический привкус крови от прокушенных изнутри щек. Дурной сон, бред. Будто зря сердечную мышцу напрягала, напридумывала себе все. Еще раз — она начнет пить таблетки.

Татум сморгнула подступившие слезы.

Разжала пальцы, воровато огляделась по сторонам, впитывая скупые, доброжелательные улыбки.

Стремно тут, липко и неприятно. Будто в прошлое попала.

Дрейк передернула плечами, вздохнула и заставила себя быть взрослой. У взрослых нет времени на истерики, а нервные срывы — по расписанию. Надо бы уже составить свое.

— Здравствуйте. Меня зовут Татум Дрейк, и я зависимая.

Крис

— Я бы сказал, что рад тому, что у тебя есть настолько близкие друзья, но лишь напомню, что домработница придет в девять.

Белые простыни застывшими морскими волнами охладили кожу ног. Крис улыбнулся, сощурился, отмахнулся от проворных солнечных лучей и слов отца.

— С друзьями нужно делить не только трапезу, — сказал он с усмешкой, приподнимаясь на локтях. Хрустнул шеей, не без тягучего удовольствия сбросил с бедер руку рядом утопающей в перине девушки.

Светлая матовая кожа обтягивала позвонки на спине, струилась вниз, к приятным окружностям, с которых Крис бесстыдно смахнул край простыни. Девушка застонала во сне, потерлась носом о подушку, перевернулась на спину, подставляя утреннему свету и двум парам глаз красивую, налитую грудь. Крис усмехнулся уголком губ, взглянул исподлобья на отца. В ногах хралело тело — Ванька спал как убитый.

— В каждом возрасте свои прелести, но в молодости еще и чужие, — покачал головой Вертинский-старший, цитируя сатирика. Он таким же был в университете — ни пришей ни пристегни. Но Крис решил сделаться в этом профессионалом. — В какой момент, интересно, тебе захочется большего, — со снисходительной улыбкой вздохнул он, но его неначавшееся страдание сына прервали.

— Доброе утро, Матвей Степанович. — Крис фыркнул на слова отца, обрадовавшись появлению друга.

— Привет, Марк. — Мужчина расплылся в добродушной улыбке появившемуся в дверях молодому человеку. Не забыл бросить на сына осуждающий взгляд. — Забираешь Криса на занятия?

— Разумеется, — кивнул тот, обменявшись с другом смеющимися взглядами. — На этой неделе окончание бизнес-курсов перед учебным годом, пропускать нельзя. — Крис буквально слышал в словах друга отголоски саркастичного хохота, но внешне он прекрасно играл роль «сына маминой подруги».

— Рад, Крестиян, что хотя бы некоторые... — Крис дернул верхней губой, услышав полное имя. Матвей Степанович вздохнул, оглядев голый зад спящего Ваньки. — ... из твоих друзей умеют вовремя браться за ум. Удачи на учебе. — Не желая тратить душевные силы на наставления, Вертинский-старший скрылся за дверью.

Марк облокотился на стену, скрестил руки на груди и подавил улыбку, разглядывая последствия вакханалии. Крис хохотнул.

— Ну, и? Когда ты успел? — с яркой иронией поинтересовался он. — Ты же тут с Марией или кто там... Милой уснул? Почему именно сейчас, когда мой отец постучался в дверь, ты был уже наглаженным, в новой одежде и без перегара?

Марк со смешком цокнул, отлипая от стены, привычным движением начал собирать разбросанную по комнате одежду.

— Ловкость рук и никакого мошенничества. — Он кинул в друга футболкой, найденной под креслом. — А также установленный на шесть утра будильник. Я успел съездить к себе, позавтракать с семьей, принять душ и в очередной раз выиграть в игре «кого бы усыновил твой отец, если бы пришлось выбирать прямо сейчас», — беззлобно

поддел он Криса и плюхнулся в кресло, наблюдая за потугами друга выбраться из вязких простыней и чужих конечностей.

— Чур, на вашей свадьбе, спевшиеся голубки, я буду свидетелем, — съязвил Вертинский, надевая футболку. — А вообще, вчерашняя ночь того стоила. — Он мечтательно улынулся и покосился на друга, мол, разве я не прав?

— Абсолютно, — довольно кивнул Марк, на секунду зависнув в развратных воспоминаниях. — Ладно. — Он хлопнул ладонями по коленям. — Собирайся, надо перед началом еще с парнями увидаться, дело есть.

Крис улынулся, выныривая из волн простыней. Последний раз задумчиво провел рукой по бедру девчонки... вроде это ее зовут Мила... оглядел «поле боя».

— Я самый счастливый человек на земле.

Татум

Кофе не хотел растворяться. Мелкие крупинки сухого молока с сахаром из пакетика «три в одном» плавали на поверхности двухсот миллилитров кипятка в картонном стаканчике, напоминая барханы пустыни. Вспомнился Волошин.

— Раскалена, обнажена, под небом, выцветшим от зноя... и нет движенья, нет покоя... — бормотала себе под нос Татум, размешивая несъедобную бурду в стакане.

«И нет движенья, нет покоя» — точное описание ее душевного состояния. Хотелось быть сильной и двигаться дальше, но на это — что? Правильно, не было сил.

Люди ходили вокруг, как миражи, говорили ей что-то, тоже пытались размешать в кипятке злосчастный кофе. Вечный бред больной пустыни.

— ... ейк! Эй, Дрейк. — До нее докричались не с первого раза, Татум нахмурилась.

— М-м?

— Привет, говорю, — улыбнулся парень. — Ничего, что я...

— Ничего...

— Давно не виделись. Первый раз тут? — Он обвел взглядом помещение актового зала гимназии, где собирались «Анонимные наркоманы». Тат кивнула. — Это похвально. Три года трезвости даже без встреч, — вновь дружелюбно улыбнулся он.

— Три года и три месяца, — пробубнила Дрейк себе под нос.

Отчего-то очень важно было это пробубнить.

— Чего?

— Ничего, — улыбнулась в ответ Татум, отрывая взгляд от своей личной пустыни в стакане. — Спасибо. Ты как? Ты был в этой группе? — Она окинула парня подозрительным взглядом, заметив скованность.

— Ага. Ты не заметила просто, слишком в себя была погружена. Это нормально, со мной так же было, — неловко усмехнулся Глеб, Дрейк сморщилась.

Все это видели — ее чертову панику. Мерзко. Будто грязным бельем на палке, как флагом, перед присутствующими помахала.

— Все еще рисуешь? — резко сменила она тему.

— Делал перерыв. — Парень осекся. — Пытался понять, как творить... без этого. — Объяснять подробно не было надобности. — Придешь еще? Мы собираемся каждое воскресенье. Ты молодец, что поделилась.

— Не знаю, — пожала плечами Дрейк. Увидеть старого знакомого было приятно, но ощущения это место вызывало смешанные. Гораздо проще было закрыть глаза на кусок прошлого, омраченный вредной привычкой... зависимостью, чем трезво смотреть в лицо ошибкам. Тут даже не наливают перед входом. Разговориться было бы легче. — Не знаю, насколько плодотворно будет в этом копать, — поджала она губы. — Хочется лишний раз не вспоминать. — Татум вздохнула, выбросила стаканчик с кофе в мусорку, даже не глотнув: подозревала, это вреднее, чем то, что каждый здесь принимал. — Делал перерыв, говоришь? — Она неожиданно подняла на него прямой, ясный взгляд. — Значит, снова начал?

Глеб от неожиданности моргнул, отступил на полшага. Он и забыл об этой привычке Дрейк: всегда смотреть в глаза. И в ее зрачках проскользнул прежний огонь.

Странно было видеть ее такой. Покоцанной. Всегда живой была, смеющейся, а тут вдруг повзрослела, излом свой знает вдоль и поперек, даже прятать не пытается — транслирует его шоколадными глазами, глубокими, как вспаханная земля. Сутулится, как обычно, но неловкости от внезапной встречи не чувствует — самого в угол загоняет неудобными вопросами. Ходит по кромке души, как у себя дома, и понимает его до сих пор.

Глеб улыбнулся.

— Тут рядом есть кофейня. — Он кивнул на мусорку, из которой поднимался ароматный пар. — Ты же до сих пор кофе внутривенно принимаешь? — Скользкая шутка пришла Дрейк по вкусу.

— Утром внутривенно, вечером назально, — криво усмехнулась она и без стеснения взяла парня под руку, направляясь к выходу. — Ты был выше вроде...

— Ты на каблуках сегодня, дива, — хохотнул он, согнул локоть на манер джентльмена. — Что-то в тебе все же от тебя прежней осталось. — Глеб задумчиво покосился на Дрейк.

Та только пожала плечами.

— Помада. Пользуюсь той же маркой, — согласилась она.

Больше не осталось ничего.

Крис

Мало кто задумывается о том, что создавать образ разгильдяя — сложно. Пить, гулять, трахать, работать и являться в университет, подогревая слухи, чтобы не стать забытой вчерашней сплетней. После тусовки умирать от похмелья совершенно тихонечко и без лишних глаз, а на публике — быть тем самым, кому кидают первокурсницы игривые взгляды.

Быть представителем золотой молодежи не так просто, как кажется.

Визг шин отдался в черепной коробке неприятным звоном, как гимн в треснувшем колоколе. Крис кинул взгляд в зеркало заднего вида, проморгался, покосился на сонного Ваньку на заднем сиденье, пятерней зачесал назад волосы. Видок не первой свежести — Вертинский нацепил солнцезащитные очки.

Мысль «как бы не навернуться» заняла сознание на следующие две минуты, когда он эффектно открывал дверь и грациозно выпрыгивал из автомобиля. Спину неприятно жгло: новая кожаная куртка выгодно подчеркивала рельеф, но вчерашние царапины от ноготочков Милы прижигала солью.

Трудно быть представителем золотой молодежи. Чертовски.

Крис махнул парням у ограждения на парковке, те засвистели, приветствуя друга. На куртках одинаковые нашивки — с буквой П от слова «Примус» — выделяли молодых людей в толпе сигнальными огнями. Парни с диагнозом «нарциссизм», харизмой и отцовскими деньгами являлись первыми в поколении новой постсоветской элиты и в социальные лифты не верили, принимая в свое «тайное — не тайное» общество по статусу рождения.

Только свои. Те, кем чертовски сложно быть.

Старшекурсники хлопали Вертинского по спине под его недовольное шипение, Марк подошел следом — ехал на своем «ку восемь». Крис искренне презирал выбор друга. Считал, что «БМВ» и «ауди» покупают те, кто морально не дорос до «мерседеса».

— Вчера был знатный вечерок, — засмеялся плечистый, рябой Коля. — Я проснулся на Пулковском шоссе. Что я вообще там делал?

Компания взорвалась от хохота.

— Очевидно, мы потеряли тебя по дороге из клуба, — гоготнул Ванька. — Но это было эпично.

Вертинский молчал, кивая на реплики друзей. Переглядывался с Марком, облокотившись на перила. Только они в полной мере

осознавали, чем на самом деле превосходят других. Тем более вместе.

Марк с Крисом переглядывались по многим поводам. В обычный день после обычной вечеринки Крис ни за что бы не поехал в универ к первой паре, а Марк и не подумал встать в шесть утра. Крис кивнул.

— А что насчет того паренька, которого ты упоминал? — Марк выждал короткую паузу, хлопнул наголо бритого, тощего Саню по плечу.

Тот встrepенулся, глаза у него загорелись: информация всегда стоит дорого. Как минимум — уважения.

— Да, он должен подойти сюда скоро... вон, идет уже! — Он махнул в сторону сквера.

Крис снова переглянулся с Марком, они вдвоем «отклеились» от компании, зашагали навстречу парню.

Выглядел тот настороженно: заглянул за спины парней, оценил компанию богатеньких бычар, просканировал Вертинского с другом. Взгляд у парня был острый, неприятный, но Крис руки из карманов не достал — улыбнулся новому знакомому, вздернул подбородок.

— Привет, я Крис. Саня про меня говорил. Это Марк.

— Че за имя такое? — насмешливо хмыкнул парень.

— Сербское. Кристиан — посланный Иисусом, — отмахнулся Вертинский: чертово объяснение въелось в язык.

— Приятно, — буркнул паренек.

Оглядел Вертинского с головы до ног, оценил настоящую кожу куртки, дорогие ботинки, часы на запястье. Улыбнулся своим мыслям.

— Только мы передумали, — наклонил голову вбок Крис, — нам нужно больше. Сам понимаешь, следующая вечеринка должна быть грандиознее предыдущей, а это уже в субботу. Сможешь достать? Всякого, — хмыкнул он, кивнув на парней позади.

Приспустил солнечные очки на носу, чтобы был виден честный, похмельный взгляд.

— Мы так не договаривались.

— Я понимаю, но мне только вчера отец кэша подкинул, я не считывал на это. — Он поджал губы с извиняющимся выражением лица. — Позови тогда своего вышестоящего или как там у вас... хотелось бы основательно закупиться и не делать коту больно, — усмехнулся он устало, добродушно. Паренек вздохнул. — А мы твоими постоянными клиентами станем, верность хранить будем. Сможешь сегодня?

Крис звучал убедительно, по-мажорски. Марк рядом тоже казался потрепанным вчерашней тусовкой.

Оба замолчали, пережидая, пока стайка ребят из средней школы напротив пробежит мимо. Паренек выждал паузу. Покачал головой, кивнул.

— Сколько?

Крис огляделся по сторонам. Наклонился к парню, показал, не доставая из кармана до конца, свернутую, плотную кубышку красных пятитысячных купюр. Довольно ухмыльнулся.

— Столько.

Парень озадаченно скривил губы. Снова кивнул.

— Через несколько часов только. С собой нет.

— Замечательно! — Вертинский хлопнул в ладоши. — В четыре тут же, окей? Возьми с собой счетную машинку, — подмигнул он парню со смешком, закрепив сделку рукопожатием.

Тот расслабился, криво усмехнулся.

— Заметано.

Крис переглянулся с Марком.

— Повеселимся.

Татум

Вибрация телефона отвлекала от вялых мыслей. Дрейк задумалась, пытаясь вспомнить, какая мелодия стояла у нее на звонке: последние семь лет телефон был исключительно на беззвучном.

В безветрии улица пахла крымскими ночами. Татум ответила на звонок.

— Чего звонишь в ночи мне, милый друг? — с иронией хмыкнула она в трубку.

Парень невесело вздохнул.

— У меня была атака.

— А у меня отступление. — Татум понимающе поджала губы. Остановилась под фонарем, закурила. — Мы с тобой синхронизировались. Я иду со встречи.

— И как? — Люк пытался отвлечься от послевкусия панической атаки, погружаясь в диалог с подругой.

Дрейк пожалла плечами.

— Так себе. В смысле, если ты только что бросил, это, безусловно, поможет. Неосуждающая безопасная атмосфера, поддержка, — поспешила она пояснить свое резкое высказывание. — Но для меня это в прошлом. — Дрейк с силой затянулась, прислонилась виском к холодному металлу фонарного столба, выравнивая дыхание и давление. — Нет уже этих чувств. Поэтому окунуться в ту атмосферу, смотреть на людей, которые чисты всего неделю, было тяжело, — откровенно призналась она. — Триггерило. К тому же встретила старого знакомого, и ощущения были...

— Опять интуиция? — грустно хмыкнул Люк.

— Ты знаешь, я в это не верю, — недовольно поджала губы Дрейк. — Но он казался скорее пропащим, чем выздоравливающим. Несмотря на дружелюбный тон. Был напряженным. Не удивлюсь, если сорвется. Надеюсь, собрания ему помогут.

Люк молчал, обдумывая ответ.

— Думаешь, мне стоит сходить?

— Думаю, разок точно стоит. — Дрейк мотнула головой, понимая, что ее отзыв не вязался с советом. — Сам сможешь понять, насколько это тебе нужно. Мой опыт — это мой опыт.

Люк понимал, о чем она. Они с Дрейк были разными, с разных углов смотрели на жизнь, и ее интересы могли не совпадать с его. Нужно было проверить самому.

— Это да... но что я там скажу? — Парень нервно хохотнул. — Привет, я Люк, и я зависимый, но не помню, от чего?

Татум щелчком отбросила недотлевшую сигарету в кусты, зашагала по тротуару.

— Ты же знаешь.

— Знать — не помнить.

Дрейк осеклась. Было больно слышать это. Но речь шла не о ее сожалениях.

— Наверное, — согласилась Татум, пнув носком камушек под ногами. Перевела тему: — Что тебя «выключило» сейчас?

— Сон.

Тат не выдержала — прикурила следующую сигарету. Особый способ мазохизма — выслушивать эти слова раз за разом.

— Опять был там?

— Да. — Люк помедлил, выдохнул в трубку, собрался с мыслями. Ощущения после сна до сих пор щекотали пятки. — Но опять не видел лицо. Иногда мне кажется, это единственное, что мне нужно, чтобы отпустить. Чтобы это перестало быть неизвестностью. Типа, окей, было ужасно, но можно двигаться дальше, — недовольно пробормотал он.

Дрейк не согласилась.

— Ты и так можешь двигаться дальше, — уверенно отрезала она. — Не поверю, что паничка у тебя была из-за сна, — строго заявила Татум, одним тоном показывая, что не потерпит возражений. — Колись.

Люк про себя улыбнулся. Когда Татум хотела что-то сказать или выяснить, она не делала поправку на трепетность ситуации, не приукрашивала — говорила. Зато он всегда знал, что она с ним искренна. От нее никогда было не услышать сладкой лжи. Только горькая, мерзкая правда. Зато только она.

— Я думал сделать татуировку, — сдался Люк. Он не хотел этого скрывать, скорее не желал признаваться самому себе. — Рукава забить. Ну, чтобы ничего не напоминало, — замылся он. — Следы зажили давно, но все равно... тут и накрыло.

Татум вздохнула. Есть вещи, которые даже недостатками сложно назвать, не то что принять. Паскудные, отвратительные ошибки.

— Люк... парни с забытыми рукавами, конечно, секси, но не думаю, что тебе это нужно, — честно озвучила свои мысли Тат. — Твои руки все равно останутся с тобой даже под слоем краски. Избавиться ты от этого не сможешь, но и не нужно. Я уже спокойно пишу ручками, дело не в предмете. — Она поморщилась, плотнее кутаясь в пальто от неожиданного порыва ветра. — Ты этими руками создаешь восхитительные картины, Люк. И твои зажившие места уколов — твоя сила, пережитая и переработанная боль. Это не помеха, — уверенно кивнула она. — Это напоминание о том, что жизнь — та еще сука, но и ты — сучка непростая.

Парень зашелся тихим смехом.

— Ты бесподобна.

— Я знаю, но спасибо, что напомнил, мне приятно. — Татум почувствовала, как теплеет на сердце. — Увидимся?

— Да, думаю, на выходных.

— Окей. И подумай о том, что я сказала, — вкрадчиво напомнила Татум суть их диалога. — Сделай свое прошлое помощником, а не палачом.

Люк вздохнул, улыбнулся.

— Красиво сказано.

Дрейк отмахнулась, не в силах перенести пафосные нежности.

— Спокойной ночи, неврастеничка ты моя, — беззлобно кинула она другу.

Люк довольно хмыкнул. Ему стало легче.

— Кто бы говорил. Спокойной, Татум.

Татум

Ночной ветер противно обдувал голые участки кожи. Повернув за угол, Татум поняла, что не одна любительница испортить себе режим сна: приличных размеров коттедж светился разноцветными

огнями. От басов, перекатывающих волнами по асфальту, внутренние органы потряхивало мелкой дрожью. В другой жизни Дрейк заглянула бы на огонек, но она шла домой после встречи «Анонимных наркоманов» и давно забыла про неприятности в этой.

Поговорить с Глебом было приятно. Она ни с кем не поддерживала связь из прошлой жизни, но приятно было узнать, что кто-то ее понимает. Они болтали ни о чем, глубоко никуда не влезали. Глеб видел, что Дрейк, как всегда, за своей искренностью прячет настороженность и аккуратно прощупывает почву, и сам не спешил открываться. Договорились встретиться на следующей неделе. Может, и не окончательно пути разошлись.

Дрейк было душно, горячо и плевать. Она устала. Не было сил испытывать чувства.

— Мы лучшие! Уху-у! — Со стороны гаража у кованой ограды стильного коттеджа послышались нетрезвые вопли и характерный звук упавшего тела.

«Скоро проблужется и протрезвеет, не стоит лезть с непрошеной помощью, — заблаговременно заткнула скулящий синдром спасателя Татум. — Это не мы в школе — в подобных домах водкой не ограничиваются, просто иди домой».

Но Бог посмеялся над ее планами и, вытирая подступившие слезы, вытолкнул пьяную девицу на тротуар, под ноги Татум.

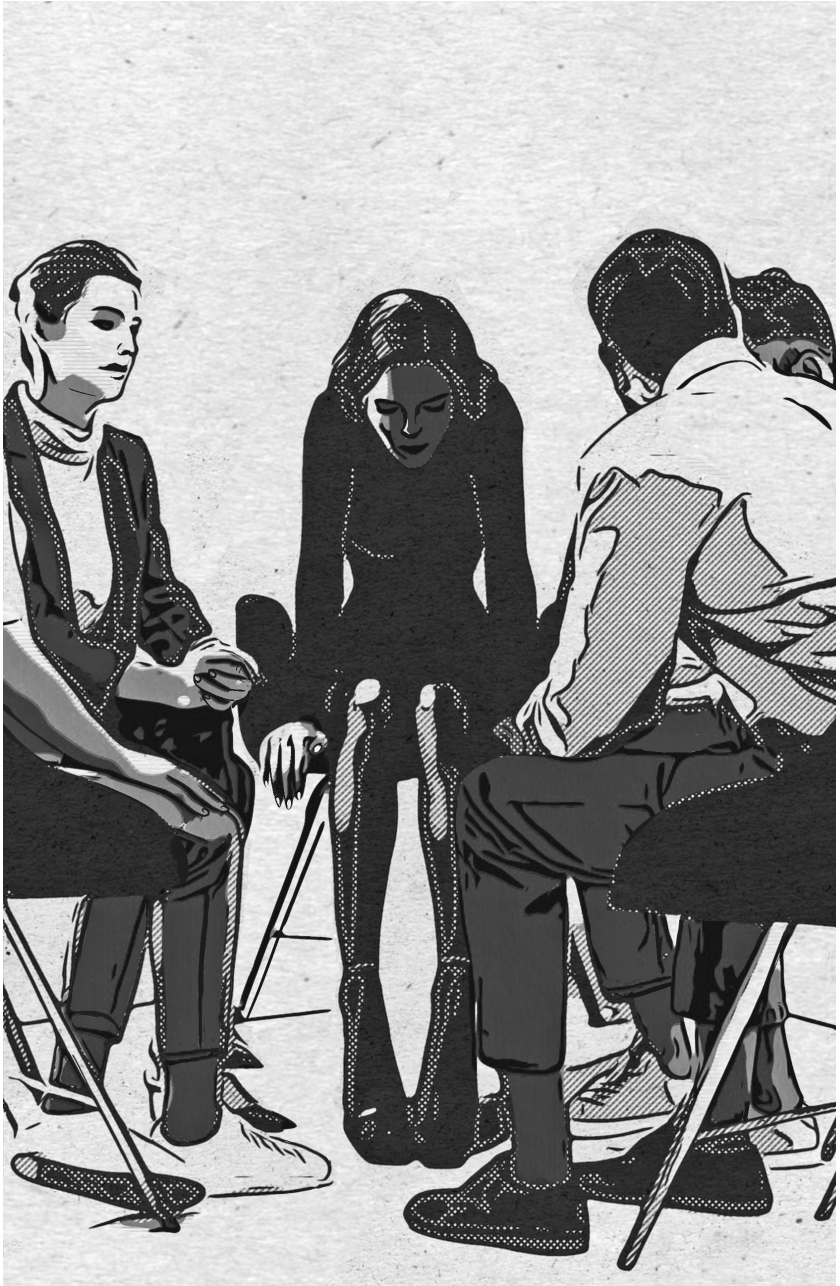
Дрейк раздраженно вздохнула.

— Знаешь, как это бывает, одновременно и весело, и грустно? — Тело оказалось длинноволосой рыжей девушкой.

Решило, что настало время разговоров за жизнь.

Дрейк тяжело вздохнула, но пройти мимо не смогла. Взгляд зацепился за растянутое худи на девчонке, обычные джинсы, отсутствие укладки. Рыжая явно была залетной птицей на тусовке. Перебрала с эликсиром храбрости.

— Конечно знаю, это мое кредо — плакать от счастья и смеяться на похоронах, — скептически кинула Дрейк, усаживая девчонку на бордюр.

Бесцеремонно взялась пальцами за подбородок юной тусовщицы, похлопала по щекам, заставила посмотреть на себя. Изучила зрачки незнакомки. Симптомов, кроме опьянения, не увидела.

— А ты вообще кто?

Рыжей было плевать — больше Еву волновало, что она не на вечеринке: может, в эту самую секунду ее с недавних пор бывший целуется с другой.

— Очевидно, сегодня я твой ангел-хранитель. — Ситуация ей не нравилась. Но Дрейк чувствовала себя обязанной. На нее тоже могли махнуть рукой, как на пьяную девчонку на тротуаре. Честное слово, мимо пройти было бы куда легче, если бы рыжая была наглой фифой в коротком платье под коксом. Но девчонка выглядела такой обычной... вчерашней школьницей в джинсах, с отсутствием знания, какая стрелка не идет нависшему веку и о норме в мартини. От нее точно воняло мартини. — Ладно, несчастье, ты в норме? Может, привести кого?

— Да, Юра. Позови Юру. Скажи, Еве нужна помощь, он поймет. — Рыжая сонно начала заваливаться на газон.

Тат закатила глаза, положила Еве под голову ее же толстовку и оставила дремать на траве, в тени кустов, чтобы другим не приглянулось симпатичное нетрезвое тело. Зайти, найти, уйти — главное, не зависать и придерживаться плана.

Особняк на Крестовском напоминал типичное пристанище студенческого братства из американских фильмов. Просторный холл, лестница с коваными перилами на второй этаж, трехъярусная люстра. Дрейк была в покоем, меньшем по размеру коттедже в детстве у знакомых в Павловске. Не знала, что в центре Питера есть нечто подобное.

Вменяемых людей вокруг не было, поиски продвигались медленно. Протиснуться в толпе танцующих тел было непросто. Треки дофамина от узнавания не выделяли.

— Привет, ты Юру не видела? Знакомого Евы? — Стараясь перекричать музыку, Дрейк обратилась к девушке у барной стойки.

Барная стойка в доме, серьезно?

— Да, он вроде поднялся на второй этаж со второкурницей, а что? — Она недоверчиво покосилась на Тат.

Дрейк выбивалась из общей массы: черное пальто, лаковая сумка на сгибе локтя, черные лодочки, колготки в сетку... «Миссис Смит» была нелепа среди полуголых подростков в блестках.

— Ничего, — безразлично кинула Дрейк, мысленно прокладывая маршрут на второй этаж. Не хватало еще в обсуждаемую историю с чьим-то парнем влипнуть. Особенно потому, что над зеркалом за стойкой был растянут баннер с названием ее уже нынешнего университета.

Осмотр второго этажа подходил к концу. Застав одну девчонку в обнимку с унитазом за предпоследней дверью, Дрейк заглянула в крайнюю комнату.

Переступила порог, прислушалась к невнятной тишине, осеклась. Со скептическим интересом, без смущения оглядела развернувшуюся перед ней картину.

Контраст света и тени соблазнительно подчеркивал изгибы тела девушки: стройный живот, округлые ягодицы, испарина на спине. Длинные светлые волосы она придерживала на затылке рукой, самозабвенно прикрыв глаза. Порочностью комната дышала не из-за ее наготы: девушка плавно, опираясь рукой назад, двигалась верхом на парне.

Дрейк замерла, наблюдая за жарким действием, не столько заинтересованно, сколько задумчиво. Волна самоанализа накрыла ее не в то время и не в том месте.

Как давно она сама ходила в зал? Не растолстела, но раньше была просто в прекрасной форме. От мышц осталось одно только слово.

Дрейк отрешенно закусила щеку изнутри, ведя взглядом дальше — по кубикам пресса парня, лежащего под девчонкой. Тело у него было точеное, как у бойца, — такие светотени в зале не создашь, тут нужна «полевая практика».

А ее крем для тела любимый еще продается? Кожу нужно увлажнять, с наступлением зимы шелушиться начнет. А ведь у второй девушки, что сидела на лице парня, кожа была гладкая и бархатистая. По крайней мере, визуально.

Влажная, тягучая атмосфера пробралась под кожу. Первая девушка с роскошной копной волос двигалась томно, ритмично: делала круговые движения бедрами, насаживалась сверху вниз, периодически замирала, легко царапая ноготками пресс парня перед собой.

Вторая потерялась во времени и пространстве: парень знал, что делает, длинные мужские пальцы впились в мягкие девичьи бедра — как три часа назад пальцы Татум в сидущку стула на собрании.

Мужская прокачанная грудь вздымалась, пресс напрягся. Девчонка, ерзавшая на его лице, часто дышала, запрокидывая голову. Зарылась пальцами в волосы парня, протяжно застонала. Дрейк сглотнула.

Громко.

Стало неловко, но совсем чуть-чуть. Татум знала, чего в этой жизни нужно стыдиться в полной мере, и случайное подглядывание за сексом на вечеринке в список не входило.

Вторая девушка задрожала, вскрикнула, парень расслабился. Скинул ее с себя на кровать, встретился взглядом с той, что не прекращала на нем свое родео. Перевел взгляд на Татум.

Дрейк не ступшевалась. Было в этих гляделках что-то особенно извращенное: парень тряхнул темными волосами, медленно слизал свежий девичий сок с собственных губ. Улыбнулся одними глазами. Темные радужки соблазнительно сверкнули.

Татум не поменяла позу: привалившись к дверному косяку, с сумкой на сгибе локтя, она чуть вскинула брови.

Парень усмехнулся, набрал в грудь побольше воздуха. То, что вытворяла блондинка верхом на нем, не могло оставить равнодушным.

— Присоединишься? — Шатен с пьяным интересом посмотрел на Дрейк.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Ангелы держат небо, мафия — все остальное	3
Глава 2. Грязное пятно буквальности.....	28
Глава 3. Светская беседа	42
Глава 4. Я просто вела игру, и все	62
Глава 5. Что посеешь, то и пожнешь.....	74
Глава 6. Сам себе идиот.....	89
Глава 7. Эти двери тоже не стоило открывать.....	135
Глава 8. Святые грешники	176
Глава 9. Молодость, бизнес и ярость	193
Глава 10. Дети Хиросимы.....	225
Глава 11. Картошка фри и адекватность	248
Глава 12. Пипец: начало	261
Глава 13. Харизматичное зло.....	268
Глава 14. «Щелк»	281
Благодарности	298
Об авторе	300
Плейлист	301

Литературно-художественное издание

18+

Любовь Левшинова

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Первая книга цикла «Поколение XXI»

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 08.2024. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»
(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)
Адрес: Дудулли Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,
Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776
(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,
Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)
по заказу и под контролем ООО «Феникс»